

КРЫМ — ШКОЛАМ РОССИИ
НАВСЕГДА
(рассказ)

Понятие «Смелость, отвага»

Фильм для основной школы.

ЭПИЛОГ

Я пережил газовые атаки, взрывы, голод, смерть товарищей. Я видел защитников подземной крепости, видел, как спокойны и выдержаны они, как несут солдаты свою службу в подземелье, как выходят ночью на смерть, как улыбаются, как падают от голода и жажды. Мне говорили, надо держаться, надо выжить. Тетя Ефросинья вслед за солдатами выходила на поверхность, и пока длился бой, собирала траву на холмах, чтобы мы ели её. Я четыре месяца не был на воздухе и не видел солнца. Мне было 11 лет, когда я попал в Центральные каменоломни, здесь от голода умерла моя мама и две сестры — Роза и Оля. Когда в катакомбы спустились фашисты, я сумел спрятаться, сжавшись в комочек. А когда они ушли, я остался один на один с холодом, голодом, мраком, мертвецами... Так я остался жив.

КЕРЧЬ, 2021 год.

Звонок в дверь застал Анну Борисовну в момент, когда она заканчивала печь блины. Архитектурное сооружение в виде блинной башни накренилось, но было поймано счастливыми Андреем и Юрой. В это летнее воскресное утро отец и его сын решили поехать на рыбалку. Жить в Керчи и не ходить на рыбалку — сушая глупость. Как говорят в Крыму: «Хочется рыбки? Вам в Керчь!» Всё снаряжение уже ожидало рыбаков у порога, оставалось только куда-нибудь складировать блины, но тут этот звонок.

Так как семья Розогреевых точно никого не ждала, все побежали открывать, не скрывая веселого любопытства. Перед ними стояла женщина лет шестидесяти, явно иностранка, а рядом русский молодой парень с виноватым выражением лица, мол, простите, что потревожили так рано, да ещё в воскресенье. Всё, что случилось дальше, было настолько для всех неожиданно, что трудно передать и мысли, и чувства.

Женщина молча смотрела на Анну Борисовну, словно хотела запомнить навсегда её лицо, хотела оставить его в памяти. А потом, дрожа всем телом, стала медленно опускаться на колени. Нескончаемые ручьи слёз заливали её лицо. Наконец она заговорила. На немецком. Парень, напряженно смотревший на пожилую женщину, стоящую на коленях, вдруг вздрогнул и стал переводить.

- Мой отец был снайпером. Он убивал каждого, кто выходил из катакомбы за водой. Я каждый день молюсь за 13 тысяч погибших душ в Аджимушкайских каменоломнях. Я не зала. Я ничего не знала. Только недавно мы нашли его дневник.

Она рыдала, но продолжала говорить. Говорила быстро и так сбивчиво, что переводчику, ошеломленному всем происходящим, было ещё сложнее понять слова пожилой немки.

- Я знаю, что ваш дедушка одним из немногих, кто смог оттуда вырваться.

- Ему было 11 лет, – Анна Борисовна произнесла это еле слышно пересохшими губами.

- Я знаю, что опоздала. Но я хочу покаяться за грехи моего отца – они чудовищны! Прошу вас, примите моё покаяние! Пожалуйста, простите нас всех! – голос переводчика дрожал, он явно сдерживал слёзы.

- Bitte verzeihen Sie uns allen! Bitte verzeihen Sie uns allen! Bitte verzeihen Sie uns allen!

Она говорила эти слова до тех пор, пока Анна не пришла в себя и не бросилась поднимать её с колен.

Женщину звали Моника, она приехала из немецкого города Штутгарт. Приехала найти хоть одного из 48 человек, выживших в каменоломнях, но опоздала. Последний, кто помнил ужасы Аджимушкай, недавно умер. Для Моника это поездка была её покаянием, её молитвой, скорбью, раскаянием за грехи фашистов в Великую Отечественную войну.

Пока Анна и Моника смотрели старые фотографии, сидя на диване, Юру с папой отправили в гостиницу, чтобы привезти внуков Моника, а потом всем вместе поехать на кладбище к дедушке. Моника сказала, что её внучка очень хорошо знает русский язык, и им больше не нужен переводчик.

Юра увидел её издалека. У гостиницы стояли два подростка лет 15, но он видел только её. Если бывает на свете любовь с первого взгляда, то у Юрки она случилась сейчас. А девочка, которая безоговорочно завладела его сердцем, была года на три его старше, да ещё из Германии. Юрка понимал, что это безнадежный случай, но ничего не мог с собой поделать. Его взгляд был прикован к длинным волосам цвета мокрого песка, сверкающим на солнце как огненные искорки, и ярко-синим глазам.

- Здравствуй! Бабушка звонила, что ты за нами приедешь. Я Хельга, а это Пауль, мой брат. Он не говорит по-русски.

Юрка думал, что и голос у неё чудесный, нежный и звонкий, как колокольчик, а манера произносить русские слова привела Юрку в неподдельный восторг. И вот он выдохнул и с трудом выговорил:

- Я Юра. Пойдемте, там мой папа нас в машине ждёт.

Гости из Германии приехали на десять дней и не собирались проводить время отдельно от семьи Рединых. Поэтому Юрка мог каждый день свободно любоваться Хельгой, которая уже стала замечать его взгляды и явно смущалась, приводя этим Юрку в ещё больший восторг. Все дни были расписаны: в основном, это было посещение мемориального комплекса в Аджимушкае, встречи с родственниками погибших и слезы. Юра смотрел на маму с тетей Моникой и не понимал, откуда у них берется столько слёз.

За эти дни так сложилось, что взрослые и дети, хоть и ездили везде вместе, всё же общались отдельно. И, на радость Юрке, он мог все дни проводить рядом с Хельгой. Но что действительно омрачало их поездки и встречи – это Пауль. Не надо было знать немецкий, чтобы понять, что он недоволен всем. Худой долговязый парень с треугольной свисающей челкой на один глаз всё время злился, грубил бабушке. Ненавистными глазами смотрел на Юрку и его родителей.

Однажды они поднимались на вершину горы Митридат, чтобы увидеть Обелиск Славы, установленный в память о непростой судьбе города и его отважных защитниках. Анна Борисовна, задыхаясь от нескончаемых ступенек, продолжала рассказывать:

– Этот монумент был открыт в 1944 году. Вы понимаете, он был первым из всех памятников, посвященных воинам Великой Отечественной войны. Мы тут в Крыму любим быть первыми, да, Юра?

Хельга подошла к Юре.

– А почему твоя мама так сказала?

– Просто я родился 12 апреля. И меня называли Юрой в честь Юрия Гагарина. Первого человека, полетевшего в космос.

Хельга, переводившая все, что говорила Анна Борисовна, перевела и слова Юры. Тётя Моника заулыбалась, а Пауль издал неприятный смешок и что-то сказал Хельге.

– Что он сказал?

– Он сказал, что это странно. Вы жили на Украине, а тебя называли именем первого русского космонавта. Не обращай внимания. Он историю знает по инстаграм и тик-току.

– Переведи ему это, – и Юрка быстро нашел в телефоне фотографию надписи на памятнике Екатерине II в Симферополе.

– «Памятник возрожден в честь воссоединения Крыма с Россией в 2014 году навсегда». Объясни ему это слово «навсегда»!

Хельга перевела надпись своему брату, и тот сразу пошел вперед, обгоняя всех, словно убегая от них.

В субботу детей отпустили с папой Юрки поехать искупаться на самую северную точку полуострова – мыс Зюк. Но там разразилась очередная ссора

между сестрой и братом. Хельга отсела подальше от всех и стала смотреть на море. Юрка видел себя не особенно смелым, да и в классе его считали тихоней. Только мама верила, что сын, названный в честь такого героя, ещё совершит свой подвиг. А он даже никогда в жизни не дрался. И вот сейчас ему понадобилось собрать все силы, чтобы подойти к Хельге и сесть рядом.

– Скажи, почему твой брат такой злой? Вы совсем не дружите?

– Мои родители в разводе. Его воспитывал отец, а меня – бабушка с мамой. Отец развелся с мамой, когда мне было 4 года. Он тогда работал просто журналистом, а теперь редактор газеты. Он ненавидит все русское. Поэтому мама была против, чтобы Пауль ехал с нами, но он сказал, что обязательно поедет, чтобы доказать, что русские захватили Крым.

– Но он же видит, что это неправда.

– Видит. Поэтому ещё больше злится.

– Но, может быть, он сейчас познакомится с нами получше, подружится и поменяет свое мнение?

– Нет. Не поменяет. Он злой, маленький нацист.

От этих слов у Юры что-то сжалось внутри.

– Как же тетя Моника?

– Это самая страшная боль для неё. Вся её жизнь превратилась в молитву и раскаяние. Я как могу её оберегаю.

Юра смотрел, как Пауль, рассматривая счастливых людей на пляже, смеющихся детей, плескавшихся в прозрачной воде, со всей силы сжимал в руке небольшой камень. Юра вдруг почувствовал, что обретает какую-то решимость, которой не было раньше.

– Можно я буду тебя защищать? – он смотрел далеко за горизонт, но все его чувства, мысли, слова были обращены к ней.

Хельга, молча и серьезно, вдруг вся выпрямилась и заговорила твердо, с акцентом в каждом слове.

– Защити своего дедушку. Защити память всех, кто погиб за свободу этой земли. Не позволяй таким как Пауль осквернять всё, что для вас свято!

Юрка застыл на месте. Он больше не знал, как себя вести, что говорить, но он четко понимал, что за эти несколько минут он стал старше. Его маленькое сердце впервые почувствовало ответственность. Они молча продолжали сидеть, пока папа не крикнул: «Юра! Хельга! Пойдемте, нас ждут!», и ребята поднялись.

А ждал их удивительный человек – Семен Филиппович Кравченко. Он жил один в небольшом доме на самом берегу. Может поэтому в свои 87 лет, несмотря на одну нерабочую руку, он выглядел бодрым и счастливым. А может быть дело,

которому он посвятил последние двадцать лет, не отпускало его. Семен Филиппович создавал уникальную книгу «История Крыма в картинках».

Анна Борисовна и Моника уже стояли в мастерской художника, когда туда вошли Юра с папой и Хельга с Паулем. Вокруг был тот самый творческий беспорядок: разбросанные карандаши, рамы, тряпки в краске, а главные картины, которые стояли повсюду. В основном это было море и небо.

Семен Филиппович надел очки, открыл шкаф и достал большой, просто огромный альбом.

Перед ними лежало иллюстрированное изложение истории Крыма с древнейших времен до наших дней.

– Ко мне не часто гости заглядывают. А тем более из Германии. Вот, смотрите. Это моя жизнь. Здесь всё. Начинается с тех времен, как здесь жили племена скифов и тавров, - он перевернул несколько страниц, - А вот территория полуострова уже вошла в состав русского Тмутараканского княжества, – Моника перелистывала альбом дрожащими руками, опасаясь повредить страницы. – А вот и знаменитое путешествие Екатерины II в Крым. Ну, молодежь, в каком году?

Молодежь молчала.

– У Вас каждый рисунок – произведение искусства. Вы уже оцифровали её в типографии? – Анна Борисовна попыталась перевести разговор.

– Собираюсь. Осталось 4 иллюстрации, и мой труд будет завершен. Ко мне уже приходили из издательства, из музея. Я попросил ещё немного подождать.

– Здесь есть про Аджимушкские каменоломни?

Семен Филиппович тяжело вздохнул.

– Есть. И деда вашего я хорошо знал. Ко мне тут на экскурсию ребят привозили из Москвы, они про Аджимушкку и не слышали ничего. Вот трагедия. На чем тогда им воспитываться? Вот и рисую помаленьку, пусть хоть по картинкам историю Крыма узнают. А то не пойми что говорят...

Моника долго смотрела на рисунки старого художника, потом подняла глаза, взяла единственную здоровую руку Семена Филипповича и поцеловала её.

Выйдя из мастерской, все решили пойти в комнату пить чай. Стали доставать всякие вкусности, которые принесли с собой. Моника Семену Филипповичу дарила разные механические подарки для упрощения быта, при этом подробно объясняя, что это и зачем. Атмосфера разрядилась, тем более что Пауль после мастерской пошел пройтись по берегу. И все было хорошо, даже слышался смех, который за последние десять дней был очень редким гостем. Но тут Хельга, которая пошла в мастерскую за очками, которые Семен Филиппович там забыл, вскрикнула и уронила стул. Все резко вскочили и побежали в мастерскую. Шкаф, в котором был альбом, зиял пугающей пустотой. И тут раздался душераздирающий крик Моника, которая от волнения стала оседать, и упала бы, если бы не папа Юры.

– Пауль!!!

Хельга и Юра кинулись на улицу и побежали на залив. Они каким-то шестым чувством понимали, что он задумал сделать. Семен Филиппович, как и Моника, медленно опустился на стул, беспомощно разводил единственной рукой и хватался ей же за сердце. Он открывал рот, но не произносил ни звука. Родители Юры не могли оставить двух пожилых людей в состоянии шока и стали вызывать скорую помощь.

Ребята бежали по берегу. Они уже издалека видели пламя костра и Пауля, подбрасывающего в него поленья, оставленные туристами. Как тогда, 85 лет назад, в Германии запылали костры из книг, так и сейчас этот мальчик пытался уничтожить неуютную книгу. Хельга бежала, падала и истошно кричала.

– Nein. Tu das nicht!!! Paul! Ты потом никогда не простишь себя! Ты не такой, тебя просто запутали! Не делай этого! Нельзя сжечь историю! Нельзя сжечь правду! Остановись! Не делай этого!

Но он словно не слышал крики сестры. Его руки крепко сжимали альбом, пока он смотрел, как костер разгорался всё больше и больше. Яркое пламя уже возвышалось над Паулем, когда он бросил в него книгу, и оно сразу охватило её со всех сторон.

Юрка подбежал к костру первым. Только на секунду у него мелькнула мысль: «Будет больно». Огонь был почти вдвое больше его, а книга уже вся в языках пламени. Юрка выдохнул, с криком схватился за горящую книгу и выбросил её на песок. Рубашка загорелась, и тогда Юрка упал на землю, засовывая горящие руки в мокрый песок. Рядом так же прямо и недвижимо стоял Пауль.

Хельга подбежала и со всей силы двумя руками ударила брата в грудь, он пошатнулся и словно пришел в себя. Она подняла книгу. Многие страницы сгорели полностью, но огонь не добрался до середины, поэтому некоторые рисунки уцелели, а на других обгорели только края. Не выпуская её из рук, она подошла к Юрке и стала его аккуратно поднимать.

– Как ты? Тебе очень больно? Надо срочно к врачу, – Хельга говорила то на немецком, то на русском, путаясь и сбиваясь. Она не могла успокоиться и продолжала дрожать. Юра поднялся, руки нестерпимо болели. Он подошел к Паулю. Этот мальчик, который был на голову выше Юрки, весь сжался и смотрел на него глазами, полными ужаса, словно до него только сейчас дошло, что он сделал.

– Ты же человек! Почему вы не оставите нас в покое! Почему вас бесит то, что мы любим?! Как ты сейчас пойдешь и будешь смотреть в глаза Семену Филипповичу?! – Юра кричал. Кричал так, как никогда в жизни. – Ты пойдешь и

будешь вымаливать своё прощение. Но ты уже не вернешь книгу! Он жизнь этому посвятил! Держи её! Крепко держи!

Они шли обратно. Перед ними с книгой в руках плелся виноватый, испуганный Пауль, а навстречу уже бежали родители Юры.

Поистине не было минуты тяжелее во всей Юркиной жизни, когда они все стояли перед Семеном Филипповичем, и совсем сникший Пауль протягивал ему обгоревший альбом. За несколько минут из злого парня он превратился в маленького испуганного ребенка. Его губы дрожали. Он говорил, заикаясь, а по щекам текли крупные слезы.

– Ich wollte nicht. Verzeihen Sie mir.

Хельга смотрела на несчастного старика. Она начала переводить. Голос не слушался:

– Он очень сожалеет, что сделал это и просит простить его.

Старый художник протянул единственную руку, и Пауль вложил в неё обгоревшую книгу. Семен Филиппович посмотрел на Пауля, а потом на Хельгу.

– Ты можешь не переводить мне, я понимаю, – он перевел взгляд на обугленные страницы, – она не долго прожила, но если смогла изменить хоть одного человека, то, значит, так тому и быть.

Через два дня прощались там же, на мысе Зюк. Родители и Моника с Паулем стояли у машины и ждали их. Хельга дотронулась до Юриных перевязанных рук.

– Тебя правильно назвали Юрой.

– Ты ещё когда-нибудь приедешь? Мы увидимся?

– Мы обязательно увидимся. Ты для меня герой... Навсегда! – и она поцеловала его в щёку.

Такси скрылось за поворотом, а Юра с родителями так и стояли, глядя туда, за поворот, словно всматриваясь в будущее. И каждый из них понимал, что они больше не смогут жить как раньше. Они стали другими.